

12+

Сергей Юрьевич Лобач

Дуб Эномара

Школа магии

Сергей Лобач

Дуб Эномара. Школа магии

«Издательские решения»

Лобач С. Ю.

Дуб Эномара. Школа магии / С. Ю. Лобач — «Издательские решения»,

Успокаивающая атмосфера познания волшебства, чудеса заколдованного дуба. Магия стихий и милые животные. Лучшее детское приключение в школе магии!

© Лобач С. Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 «Дуб Эномара»	6
Глава 2 «Особенный день»	9
Глава 3 «вопрос к учителю»	10
Глава 3.1 "Первый почти урок»	12
Глава 4 «о славном коте эномара»	14
Глава 5 «Уроки»	15
Глава 5.1 «уроки ветра»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дуб Эномара Школа магии

Сергей Юрьевич Лобач

© Сергей Юрьевич Лобач, 2026

ISBN 978-5-0071-1454-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 «Дуб Эномара»

В глубокой чаще леса, за непролазными зарослями терновых кустов, прятался дом, будто бы и не дом вовсе, а часть самого леса. Терновник вокруг него рос не хаотично, а словно нарочно сплетался в живую ограду: колючки не впивались в прохожих, а будто отводили их в сторону, будто шептали: «Не сейчас, иди другой тропой».

А за этой оградой высился Дуб Старейшего — его в селе ещё называли Дубом Эльфа, хотя никто уже не помнил, откуда пошло это имя. Он был огромен: в высоту — все пятьдесят метров, не меньше, и стоял так прочно, будто корнями держал на себе весь лес. Толщина ствола у основания поражала воображение: говорили, что только девятнадцать взрослых мужчин, встав в круг и вытянув руки, могли бы его обхватить. Кора была в глубоких бороздах, тёмная, почти чёрная в тени, а на солнце отливала тёплым бурым цветом. По этим бороздам весной стекали капли сока, будто дерево тихо плакало от долгой зимы, а летом по ним бегали муравьи и прятались в трещинах жуки.

Нижние ветви были такими толстыми, что их и правда можно было спутать с отдельными деревьями, примостившимися к стволу. Они не гнулись под тяжестью, а гордо держали на себе дом и теплицы, будто это была их естественная ноша. На некоторых ветвях кора становилась светлее, будто от времени и ветра стиралась до мягкой, почти серебристой древесины.

Сам дом будто вырос из дерева, а не был построен. Стены были оплетены ветками винограда что давно связались в узел с молодыми ветками дуба. Он казался обычным срубом, но брёвна давно перестали быть просто деревом: они словно окаменели, стали массивными, тяжёлыми, с гладкой, отполированной годами поверхностью. Казалось, что время не разрушает их, а, наоборот, делает крепче. Дом был на удивление трёхэтажным, и каждый этаж будто прилепился к ветвям по-своему: первый — почти вплотную к стволу, второй — чуть дальше, на широкой развилке, а третий — выше, где уже чувствовался ветер и где по утрам на перилах оседал иней. Окна были небольшими, с резными наличниками, и вечерами из них лился мягкий, золотистый свет, будто внутри горело не пламя, а само тепло.

На ветвях, чуть выше дома, раскинулись огромные куполообразные теплицы. Их рамы были из потемневшего дерева, а стёкла — чистые, будто вымытые дождями и ветром. Купола, а именно деревянная основа в которое вставлены стёкла, мягко повторяли изгибы ветвей, и в ясный день казалось, что это стеклянные пузыри, застывшие среди листвы. Внутри теплиц воздух был тёплым и влажным, пах землёй, зеленью и спелыми ягодами. Там росли овощи, фрукты, ягоды и травы, и всё это будто жило по своим, лесным законам: помидоры наливались цветом в тени листьев, клубника пряталась под широкими листьями, а травы тянулись к свету, но не сгорали от него. Полки и грядки были устроены так, чтобы не мешать ветвям, а будто продолжать их линии. У входа в каждую теплицу висел небольшой деревянный крючок, на котором всегда сушился льняной фартук, а рядом стояла плетёная корзина с перчатками и маленькой лейкой.

Под корнями дуба, в самой глубине, был погреб для зимних заготовок. Туда вела аккуратная деревянная дверь, почти сливающаяся с корнями, и ступеньки, выточенные прямо в земле. В погребе всегда держалась ровная прохлада, и там стояли полки с банками варенья, солений и маринадов, а в углу лежали мешки с сушёными грибами и связками лука. Пахло там землёй, древесиной и пряностями, и казалось, что этот запах сам по себе хранит продукты от порчи.

В доме, как говорили дохожие странники, всегда было тепло зимой и осенью, хотя камина нигде не видно было, да и поленьев никто никогда не приносил. «Колдунство, не иначе», — шептали в селе, но без страха, скорее с уважением. Тепло в доме было не жарким, а спокойным,

будто оно шло изнутри стен, как дыхание дерева. Вечерами на полках загорались маленькие светильники, но свет их был не резким, а мягким, словно от светлячков.

Никто из деревенских не держал на хозяина зла. Он был охотником, но охотился не ради забавы и не ради славы. Когда в чаще леса раздавался раскат грома, местные только кивали друг другу и говорили: «Наш Старейший охотится. Видать, опять чудище какое-то убил». И в этих словах не было ужаса — скорее облегчение, будто кто-то взял на себя ту тьму, которая бродит по лесу, и не пустил её к людям.

А по вечерам, когда стихал ветер, можно было услышать, как дуб тихо скрипит ветвями, будто рассказывает свои истории, и как в доме кто-то тихо ходит по половицам, и как где-то в теплице падает капля воды и звенит в тишине, как маленький колокольчик.

И всё же камин был, в первом этаже. Это был магический круг в диаметре два метра, исписанный рунами он светился тёплым красным светом в отдельной комнате. Его малые двойники можно было повстречать на кухне первого этажа в комнатах второго и третьего. Только знать об этом гостям по мнению эльфа было не обязательно. Питался же такой круг большим синим кристаллом манны. Одного такого хватало на сотню лет, но и заряжать его приходилось целый год собственной маной.

Вечерами, особенно весной, когда воздух становился мягким и пах влажной землёй да молодой листвой, к опушке леса всё чаще тянулись люди. Молодые парочки шли, чуть сдерживая шаг, будто боялись спугнуть тишину, а малые дети бежали вперёд, потом резко замирали и вытягивали шеи, стараясь разглядеть сквозь сумрак что-то необыкновенное. Все они приходили полюбоваться на Дом Эльфа — и каждый раз будто надеялись увидеть чудо заново, будто оно могло быть чуточку другим и оттого ещё чудеснее.

Самым замечательным был момент, когда загорались внешние фонари. В назначенный вечерний час, когда между облаков можно было увидеть первую звезду, окно третьего этажа домика тихонько открывалось — будто дерево на миг вздыхало и выпускало наружу своё тепло. И оттуда, словно небольшой ручеёк из живого света, вылетали светлячки. Они не разлетались в беспорядке, а тянулись плавной, неторопливой спиралью — сверху вниз, облетая дуб по кругу, будто танцевали вокруг его ствола старинный, давно выученный танец.

По пути светлячки занимали свободные фонари, висевшие на крепких ветвях и у крыльца: каждый огонёк вспыхивал не сразу, а как будто ждал своего гостя, и, когда светлячок садился на край, фонарь начинал мягко светиться изнутри, ровно и спокойно, без дрожи пламени. Поля перед Домом Эльфа постепенно заливались светом — не резким, а тёплым, медовым, будто само сумеречное небо решило поделиться своим последним теплом. С каждым кругом свет становился чуть ярче, но не слепил глаза, а делал привычные вещи особенными: терновые кусты теряли свою колючую строгость и казались кружевными, тени ложились мягче, а даже самые простые травинки будто искрились.

«Вот это чудо! Разве такое ещё где увидишь?» — говорили сельчане, собираясь у околицы и глядя в сторону леса. Но в их голосах не было ни зависти, ни тревоги — только тихое восхищение, какое бывает, когда видишь что-то редкое, но при этом совершенно правильное, будто так и должно быть. Кто-то из стариков улыбался и кивал, будто подтверждал: «Да, дуб помнит, как надо встречать вечер». А дети прижимались к родителям, чтобы не потерять это мгновение, и шептали, что светлячки — это маленькие звёзды, которые решили спуститься поближе, чтобы послушать, как шепчет листва.

И правда, в эти минуты казалось, что дуб не просто держит дом и теплицы, а бережёт целый маленький мир: тёплый, тихий, укрытый от ветра и суеты, где даже свет рождается не из огня, а из терпения и заботы.

И в эти мгновения всё вокруг будто становилось светлее не только от огня, но и от ожидания: дети прижимались к родителям, парочки тихо улыбались, и даже ветер, казалось, стихал, чтобы не мешать.

Фонари были трапециевидной формы: нижний квадрат — меньше верхнего, из-за чего они выглядели будто чуть наклонёнными к небу, будто тянулись вверх, не теряя опоры. Стенки у них были прозрачны, но по ним густо вилась лоза — не дикая, а будто послушная, привыкшая к этому месту. Она оплетала стекло причудливыми узорами: где-то тонкими завитками, где-то широкими петлями, а местами складывалась в такие изгибы, что в них можно было угадать то птичий силуэт, то след кошачьей лапки, то просто спокойную волну, какую видишь на тихой воде ранним утром. В свете фонарей эти узоры оживали: тени скользили по стеклу, как будто лоза дышала.

Висели фонари на ветках за счёт магии — но не той, что гремит и сверкает, а тихой, привычной, как дыхание. Не было видно ни верёвок, ни крюков, ни цепей: казалось, что фонари просто держатся там, где им положено, будто ветви сами их поддерживают. Они мягко покачивались в воздухе. Иногда, если подойти совсем близко и постоять в тишине, можно было услышать едва уловимое, мягкое гудение — не тревожное, а скорее довольное, как мурлыканье кота, который устроился на тёплом подоконнике.

Эльф любил выращивать самый разный виноград который оплетал всю крону дерева так что фонари раз в два три месяца подсвечивали и само огромное дерево. На такое зрелище съезжались заранее из нескольких ближайших деревень.

И когда свет разливался по поляне, терновник переставал казаться колючим и строгим: его ветки в свете фонарей выглядели как кружево, а тени от листьев ложились на траву мягкими пятнами. Парочки тихо шептались, дети замирали с распахнутыми глазами, и все вместе они стояли и смотрели, как свет играет на изгибах стекла и на узорах лозы, и чувствовали, что в этот вечер мир стал чуточку добрее и уютнее.

Глава 2 «Особенный день»

Раз в десять лет наступал особенный день — тот самый, когда Дуб Старейшего будто раскрывался целиком, от корней до самой верхушки, и весь его силуэт заливало светом. Не просто светом фонарей и светлячков, а чем-то большим: казалось, само дерево начинало тихо сиять изнутри, и золотистое сияние стекало по бороздам коры, как тёплый мёд. В такие дни даже тени становились мягче, а воздух — гуще от предвкушения, будто лес сам держал дыхание.

Именно в этот день колдун, хозяин Дома Эльфа, брал к себе десяток учеников — тех, в ком магия просыпалась не криком, а шёпотом: у одного она звенела в пальцах, когда он касался травы; у другой пряталась в голосе, и стоило ей тихо проговорить слово, как листья чуть шевелились; у третьего магия жила в молчании — рядом с ним становилось так спокойно, что даже ветер терял свой напор. Их называли одарёнными, но в деревне чаще говорили просто: «Те, кого дуб признал».

И вот об одном таком ученике и будет этот рассказ.

Его звали Велир. Он пришёл пешком, ещё до рассвета, когда над лесом висела тонкая седая дымка, а поляна перед дубом была покрыта инеем, который таял от одного только намёка на тепло. На нём был поношенный плащ, слишком тёплый для весны, и в руках он держал маленький свёрток — не книги и не свитки, а пучок сухих трав, перевязанный льняной ниткой. Он не смотрел по сторонам, не искал взглядов, не старался казаться смелее. Он просто стоял и слушал.

А лес слушал его в ответ.

Когда первые лучи коснулись верхушки дуба и по стволу медленно, словно неторопливая волна, пополз свет, Лир не зажмурился, не отступил, не потянулся к дереву с восторженным криком. Он чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то очень тихому, и прошептал одно слово — не заклинание, не просьбу, а что-то своё, домашнее, вроде того, каким зовут кот, когда тот прячется в шкафу и делает вид, что его тут нет.

И дуб ответил. Он подтянул к мальцу вожебный шар. Велир прикоснулся к нему, а шар мягко засветился.

Не раскатом грома, не вспышкой, а едва заметным движением ветвей: одна из нижних веток чуть опустилась, словно приглашая. Лоза на фонарях зашевелилась, не тревожно, а будто приветливо, и узоры на стекле сложились в мягкие завитки, похожие на кошачьи следы. Светлячки, до этого кружившие в своей вечной спирали, на миг замедлились и выстроились в короткую цепочку, которая, казалось, указывала: «Сюда. Здесь ждут».

Лир сделал шаг вперёд. Потом ещё один. И когда он подошёл к крыльцу, дверь дома сама приоткрылась — не со скрипом, а с тем самым уютным звуком, какой бывает, когда кто-то тихо зовёт: «Заходи, ты как раз вовремя».

На пороге его встретил колдун. Не в мантии с звёздами, не с посохом, а в простой шерстяной кофте, с тёплыми, чуть шершавыми руками и глазами, в которых было столько тишины, что в них можно было спрятать целый день тревог. Он посмотрел на Лира, кивнул, будто они уже давно обо всём договорились, и сказал просто:

— Ты пришёл. А дуб тебя впустил. Значит, всё правильно.

И Лир вдруг понял, что ему не нужно ничего объяснять: ни про долгий путь, ни про свёрток с травами, ни про то, как он боялся, что магия в нём — это не дар, а ошибка. Здесь, у этого дома, под этим дубом, ошибки не было. Было только место, где можно учиться, не теряя себя.

Глава 3 «вопрос к учителю»

— Я слышал- сказал Велир- вы очень любите чай а как насчёт кофе?

— Чай я Эномар и правда люблю. Но кофе... Кофе — это как воспоминание, которое вдруг пахнет сильнее всех остальных.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то от того самого утра, когда всё кажется возможным.

— Тридцать лет... Да, на приёме у герцога. Помню: зал с высокими окнами, по полу тянется длинная золотая полоса от солнца, а на серебряном подносе — маленькая чашка, от которой шёл такой густой, тёмный аромат, что даже придворные духи будто прятались, чтобы не перебивать. И вкус... как будто в нём спрятали кусочек далёкого путешествия. С тех пор и мечтаю снова его попробовать.

Тут он вдруг встрепенулся, глаза у Велира и правда засветились — не магией, а простым, тёплым предвкушением.

— Десять семян?! Да ты... ты просто чудо принёс! Немедля в теплицу! Пусть хоть одно, хоть два, но взойдут. Представляешь: у нас тут, среди папоротников и лозы, появится своё кофейное деревце. И однажды утром я сорву первую ягоду, обжарю её на маленькой сковородке прямо у камина, и этот запах разольётся по всему дому...

Кот, до этого дремавший на подоконнике, приоткрыл один глаз, будто хотел сказать: «Опять эти ваши растения, опять бегать туда-сюда...» Но Эномар уже накинул лёгкий плащ, подхватил мешочек с семенами и уже тянул гостя к дверце, что вела в сад.

— Пойдём, пойдём! В теплице как раз самое место: там тихо, тепло, и стекло ловит солнце так, что даже самое робкое семечко подумает: «А, тут можно расти». И пусть тьма в углу ещё немножко посидит и пообижается на доширак — а мы сейчас будем сажать будущее утро. То самое, с чашкой кофе.

И они вышли, оставив за спиной уютный полумрак дома, а впереди уже ждала теплица: стеклянные стены, влажный, тёплый воздух, запах земли и зелёных побегов. Велир бережно рассыпал семена по маленьким горшочкам, присыпал землёй, полил из лейки с тонким носиком — и вдруг замер, прислушиваясь.

Теплица была не просто домиком из стекла — она походила на маленькую волшебную оранжерею, будто собранную из солнечных лучей. Деревянные перекладки каркаса потемнели от времени, но пахли так, будто их только вчера смазали маслом с каплей смолы — тепло, по-домашнему.

Стеклянные панели местами покрылись тончайшим узором из капелек росы, и сквозь них свет ложился на пол неровными золотистыми пятнами, будто кто-то рассыпал монетки. Вдоль стен тянулись полки из потемневшего дерева, уставленные горшочками, баночками с семенами, пучками сухих трав и крошечными табличками с аккуратными надписями: «Мята для чая», «Папоротник лесной», «Семена звёздного вьюнка».

В центре стояли низкие деревянные ящики с рыхлой, чуть влажной землёй — в них уже зеленели первые ростки, тонкие, как шёлковые нити, и такие хрупкие, что казалось, будто они боятся даже слишком громкого слова. Воздух внутри был густой, тёплый, пропитанный запахами сырой земли, зелени и чего-то едва уловимо пряного — будто сама тишина здесь пахла жизнью.

Над одной из полок висел маленький колокольчик на тонкой медной цепочке: он тихонько звенел всякий раз, когда открывалась дверь или дул ветер, и этот звук был похож на тихий смех — будто теплица радовалась каждому новому семечку.

А у самого окна, где солнце падало прямо на подоконник, стояла старая лейка с длинным изогнутым носиком — её ручка была обмотана мягкой тканью, чтобы не скользила в руке.

Рядом примостился деревянный табурет, немного покосившийся, но такой удобный, что на него хотелось сесть, положить рядом чашку и просто смотреть, как на листьях собираются капли и медленно скользят вниз.

Кот, устроившись на верхней полке, с важным видом оглядывал это хозяйство, будто проверял: всё ли на месте, не забыли ли полить самое главное. А Велир стоял посреди теплицы, вдыхал этот густой, живой воздух и улыбался: здесь, среди зелёных ростков и стеклянных стен, даже самое далёкое воспоминание о кофе становилось чуть ближе — потому что в этом месте любое «когда-нибудь» могло стать «сегодня».

— Знаешь, — тихо сказал он, — иногда самое большое волшебство не в том, чтобы победить тьму заклинанием. А в том, чтобы посадить семечко и верить, что оно взойдёт. Даже если никто не обещает, что будет легко.

Кот фыркнул, обошёл горшочки кругом, понюхал землю, потом запрыгнул на деревянную полку, сел, поджал лапки и уставился на них обоим с видом строгого садовника: мол, «я слежу, чтобы всё было правильно».

А Велир улыбнулся, стёр с пальцев землю и подумал: «Сегодня — семена. Завтра — ростки. А послезавтра... послезавтра я наконец-то сварю кофе. И пусть весь мир подождёт»

Глава 3.1 "Первый почти урок»

Эномар, эльф и хозяин Дубового дома, — аккуратно стянул с полки маленький деревянный ящичек, щёлкнул замочком и достал перчатки. Не простые, а особые: тёмно-зелёные, будто впитавшие в себя цвет мха и тени леса, с тонкой серебряной вышивкой. На тыльной стороне каждой ладони чётко выделялся узор: маленькая ведьмовская шляпа, а рядом — малая луна, тонкая, как первый серп, едва проступивший на вечернем небе.

Эномар надел перчатки, и по узорам тут же пробежали крошечные искорки — не яркие, не слепящие, а тихие, как светлячки в сумерках. Он чуть повёл пальцами, и воздух перед ним стал гуще, словно на мгновение превратился в тёплую воду.

— Магия не любит спешки, — тихо проговорил Эномар, глядя на горшочки с кофейными семенами. — Она любит заботу.

Он склонился над землёй, провёл ладонью над каждым горшочком — не касаясь, но будто обещая: «Я здесь, я помогу». Узоры на перчатках мягко засветились, и от них по воздуху потянулись тонкие нити света, похожие на паутинку, сотканную из лунного света. Они опустились на землю, скользнули к семенам и на миг замерли, словно прислушиваясь. А потом впитались в почву, оставив после себя едва заметное тёплое сияние, которое тут же угасло — но земля стала чуть теплее, чуть живее.

— Так лучше, — кивнул Эномар. — Теперь у них есть не только вода и свет. Теперь у них есть дом.

Кот, сидевший на полке, фыркнул, будто хотел сказать: «Опять эти твои фокусы», но тут же потянулся и снова устроился поудобнее — он знал: когда узоры на перчатках светятся, в доме становится спокойнее, а тьма в углах съёживается и не смеет шуметь.

Теплица будто вздохнула — стеклянные стены чуть дрогнули, пропуская сквозь себя ещё один луч солнца, и он лёг прямо на ладони Эномара, подсвечивая узоры: шляпу и малую луну. И в этот момент казалось, что вся магия мира — не в громких заклинаниях, а вот в этом: в тихом свете, в тёплой земле и в эльфе, который просто очень хочет, чтобы кофейные зёрна взошли.

В это момент ученик спросил -где можно достать такие перчатки? Динь дилинь Они оба взглянули в сторону звука на порхающий возле двери клокольчик.

Колокольчик звякнул ещё раз — тонко, радостно, будто сам был рад гостям. Эномар на миг задержал дыхание, прислушиваясь к этому звону, а потом медленно стянул перчатки, и узоры — ведьмовская шляпа и малая луна — померкли, будто спрятались до следующего раза. Он бережно уложил их в тот самый деревянный ящичек, щёлкнул замочком и только тогда повернулся к двери.

— Сам свяжешь себе на первом годовом экзамене, — повторил он, чуть улыбнувшись ученику, который всё ещё смотрел на ящичек с таким видом, будто пытался запомнить каждый завиток узора, каждую ниточку. — А пока что... пока что мы с тобой будем учиться слышать землю. Не магией, а пальцами. Чувствовать, когда растению страшно, когда ему холодно, когда оно хочет потянуться к свету. Это сложнее, чем искры пускать.

Ученик вздохнул — не от обиды, а скорее от нетерпения: ему хотелось сразу большого волшебства, а тут — земля, вода, тихий шёпот листьев. Но в глазах у него всё равно светилось любопытство.

Эномар положил руку ему на плечо — легко, чтобы не спугнуть это любопытство:

— Пойдём. Надо поприветствовать остальных. Они, наверное, уже толпятся у двери и гадают, не случилось ли тут какое-то великое чудо. А чудо случилось. Просто оно маленькое. И растёт в горшочке.

Они вышли из полумрака теплицы на свет, и тут же со всех сторон посыпались голоса: кто-то радостно выкрикнул: «Мастер Эномар!», кто-то тихо спросил соседа: «А правда, что у него в теплице всё растёт в три раза быстрее?», а кто-то просто стоял и улыбался, потому что рядом с Дубовым домом всегда становилось чуть спокойнее на душе.

Кот, который шёл следом, гордо задрал хвост и первым протопал к ученикам — не для того, чтобы их поприветствовать, а чтобы убедиться: никто не собирается наступать на его любимые солнечные пятна у порога. Он обошёл всех по кругу, пару раз боднул кого-то в ладонь, будто проверял: «Ты свой? Тогда ладно», и наконец уселся у ног Эномара, всем своим видом показывая: «Я тут главный по встречам».

Эномар оглядел своих учеников — разных, шумных, тихих, нетерпеливых, задумчивых — и вдруг почувствовал, как тепло разливается где-то под рёбрами. Не от магии, а от того, что они здесь. Что кто-то снова спрашивает про перчатки. Что кто-то хочет научиться большому волшебству. А он может показать им самое главное: как сажать семена. Как ждать. Как радоваться тому, что из земли пробивается росток.

— Ну что, — сказал он, чуть повысив голос, но не громко, чтобы не спугнуть тишину теплицы, которая всё ещё дышала следом за ними, — кто сегодня будет поливать? Только аккуратно: вода должна быть тёплой, а слова — тихими. Ростки любят, когда с ними разговаривают, но не кричат.

Один из учеников шагнул вперёд, осторожно протянул руку:

— Я могу... если покажете, как.

Эномар кивнул, улыбнулся и протянул ему ту самую лейку с изогнутым носиком и мягкой обмоткой на ручке.

— Держи. И помни: самое сильное волшебство начинается с капли воды.

Глава 4 «о славном коте Эномара»

Мы дорогой читатель совсем забыли рассказать Вам про самого важного жителя дома про кота Эномара. И сейчас, хоть и запоздало исправим эту досадную ошибку.

Кот у Эномара — не какой-нибудь обычный, а лесной полукровка: порода такая нигде не записана, потому что таких котов не выводят, они сами находятся в самых тихих уголках мира.

Расцветка у него будто собранная из кусочков леса: тёмно-серая шерсть, но не скучная, а с тёплыми вкраплениями — рыжеватыми, как сухая листва, и пепельными, как туман между деревьями. По бокам — лёгкие тёмные полосы, будто тени от веток легли и решили остаться навсегда. А на груди — белое пятнышко, не круглое и не ровное, а точно как капля росы, которая скатилась и застыла. Ушки чуть закруглённые, с тонкими кисточками, будто он каждый день пробирался сквозь высокую траву и цеплял на них паутинки.

И да, узор у него свой, особенный: когда садится под луч солнца и подставляет мордочку, как ты любишь, на шерсти проступает что-то вроде мягкого орнамента — не нарисованного, а будто сама природа вышила. И в этом узоре можно разглядеть и завиток лозы, и крошечную луну, и даже силуэт ведьмовской шляпы — совсем как на перчатках Эномара, только живой и тёплый.

А насчёт умений... Ну, оседлать летающую книгу он, может, и не умеет, но кое-что покруче точно может.

Вот как это бывает: в библиотеке Дубового дома иногда просыпаются старые тома — не злые, не опасные, а просто любопытные. Они тихонько взмывают над полками, шуршат страницами и норовят улететь в самый дальний угол, чтобы там полежать и подумать о вечном. И тут появляется кот. Он не кричит, не шипит, не гонится — он просто садится напротив книги, смотрит на неё своим самым серьёзным взглядом (тем самым, который в кошачьем тактильном зоопарке все понимали как «когда-нибудь это точно закончится») и ждёт.

Книга повисает в воздухе, будто смущённо перелистывает страницы: «Ну ладно, ладно, я тут...» А кот медленно, очень медленно поднимает лапу и легонько толкает её обратно к полке — так, чтобы она опустилась ровно на своё место, ни страницей не хлопнув. И всё: книга больше не летает, а кот спрыгивает, отряхивается и идёт дальше по своим делам, будто ничего особенного не случилось.

Эномар только улыбается и качает головой:

— Вот видишь, ученик? Иногда самое сильное волшебство — это терпение. И умение смотреть так, что даже летающая книга понимает: «Да, пожалуй, посижу тут».

Иногда кот всё-таки пробует оседлать что-нибудь летающее — но не книгу, а, скажем, большую пушистую моль, которая кружится у лампы. Он подпрыгивает, ловит её в воздухе, секунду гордо замирает в полёте, а потом... ну, потом оказывается, что моль — это просто свет и тень, и кот приземляется с видом «я знал, что так и будет», будто это был не промах, а заранее продуманный трюк.

В юности он все же на них летал по комнате однако стех пор о н повзрослел теперь охотится только на моль. Впрочем этот секрет кот никогда никому не расскажет.

Ученики хихикают, но тихо, чтобы не обидеть мастера по уюту. А кот садится рядом с Эномаром, упирается лбом ему в ладонь и будто говорит: «Я тут. Я слежу, чтобы ничего слишком волшебного не случилось».

Глава 5 «Уроки»

Глава 5.1 «уроки ветра»

Первый урок заклинаний ветра Эномар начал не с громких слов и не с взмахов руками, а с тишины. Он встал посреди теплицы, где воздух был густым от запахов земли и сухих трав, и просто замер, будто прислушиваясь к чему-то, что никто из учеников ещё не умел слышать.

— Ветер, — тихо произнёс он, не повышая голоса, будто боялся спугнуть сам воздух, — не любит, когда его зовут грубо. Он не слуга, которого можно кликнуть. Он — гость. И если хочешь, чтобы он тебя услышал, надо сначала самому стать тихим.

Ученики переглянулись. Кто-то нервно сжал палочку, кто-то поправил сумку, а тот самый мальчик, что спрашивал про перчатки, осторожно выдохнул, будто пытался сдуть пылинку с рукава — и тут же смутился, поймав на себе спокойный взгляд Эномара.

— Не так, — мягко поправил эльф, но без упрёка. — Не силой. Не старанием. Представь, что ты не хочешь сдвинуть воздух, а хочешь с ним поздороваться. Просто сказать: «Я тут. Ты тут. Давай поладим».

Он чуть приподнял ладонь, не сжимая её в кулак, а раскрыв, как будто держал на ней невидимую каплю росы. И тут же по теплице пробежал лёгкий сквозняк — не резкий, не злой, а будто кто-то тихонько вздохнул. Листья на папоротнике дрогнули, стеклянные панели тихо звякнули, а пучок сухих трав у входа едва заметно качнулся на крючке, словно прислушивался.

— Вот, — кивнул Эномар, опуская руку. — Это и есть начало. Не заклинание, а согласие. Ветер приходит туда, где его не заставляют, а приглашают.

Он обвёл взглядом учеников:

— Сегодня мы не будем поднимать в воздух камни или гнуть деревья. Сегодня мы будем учиться чувствовать, как воздух касается кожи, как он скользит между пальцами, как он шепчет в траве. А если повезёт — научимся просить его быть чуть тише, когда он слишком разойдётся.

И тут, будто назло уроку, ветер, который только что казался послушным, вдруг рванул сильнее. Он ворвался в теплицу через приоткрытую форточку, пробежал по полкам, звякнул колокольчиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.